

Ли Кай и Ван Сюань поднялись с самых низов. В юности они нахлебались горя, натерпелись чужого высокомерия и теперь, встав на ноги, Ли Кай изо всех сил стремился устроить жизнь детей как можно лучше — по крайней мере, так, как это виделось ему самому.

Но благие намерения то и дело разбивались о суровую реальность.

Первым разочарованием стал Бэйшэн. Из всей младшей оравы он был самым старшим. Гоудань долго ждал, пока тот окрепнет, превратится в молодое деревце, готовый в любой момент взять в руки садовые ножницы и подрезать ветки, чтобы направить рост в нужное русло. Но не тут-то было! Бэйшэн наотрез отказался подчиняться и с головой ушел в искусство. Ну не досадно ли?

Погоревав, Гоудань переключил внимание на троих младших. Раз уж Бэйшэн взбунтовался, у него оставалась отличная смена — выбор, слава богу, был приличный. Он долго присматривался к ребятам и в итоге решил, что Чэнху по своему характеру и хватке идеально подходит для суровых баталий в мире бизнеса.

Гоудань воспрянул духом и начал строить планы. Разумеется, он собирался дать образование всем троим, но Чэнху выделил особо: постоянно таскал его с собой, учил всему лично, на пальцах объяснял, как вести себя на деловых ужинах, как читать людей и реагировать на их уловки. А ведь до того как обзавестись семьей, Гоудань терпеть не мог возиться с детьми — у него просто не хватало терпения. Это Ван Сюань со временем мягко и ненавязчиво изменил его характер.

Дети — они ведь такие: если относиться к ним с душой, то со временем отцовские чувства проснутся сами собой. Вот он и растил их с безграничным терпением. Жизнь у его сыновей и дочери складывалась совсем иначе, чем его собственная, сытая и спокойная, и Гоудань отчаянно хотел передать им опыт, накопленный за полвека борьбы. Если бы они усвоили хотя бы пару его уроков, это уже было бы великим делом.

И ребята не подвели — росли смышленными, схватывали всё буквально на лету.

К тому времени Бэйшэн уже окончил университет. Благодаря практике и связям, наработанным еще в студенческие годы, к выпуску он стал довольно известным актером. Его приметило крупное агентство, а делами занялся первоклассный продюсер.

Не прошло и четырех лет, как благодаря яркой внешности, безупречной игре и отличным ролям Бэйшэн прочно закрепился в рядах самых востребованных звезд.

В те годы под влиянием моды из Японии и Кореи стал популярен так называемый стиль «унисекс» — андрогинная красота. Что это такое? С точки зрения Гоуданя, это когда женщины косят под мужиков, а парни красятся и одеваются как девицы. При этом публика бьется в экстазе, истошно вопя о том, какие они милые и красивые.

Глядя на этих напомаженных юнцов неопределенного возраста, Гоудань невольно косился на

младшего брата. Тот и сам с детства отличался тонкими, почти женственными чертами лица. Если бы Бэйшэн вырядился в нечто подобное, у Гоуданя точно бы случился удар.

Поэтому он строго-настрого наказал брату:

— Прекращай эту клоунату. Выгляди опрятно и мужественно. Я понимаю, что вам, артистам, положено наносить грим, и я вовсе не старый консерватор, но не вздумай скатываться в эту дешевую безвкусицу.

Бэйшэн лишь заговорщически улыбался в ответ. Впрочем, когда всюду гремела мода на безумные прически в стиле «шаматэ», он послушно носил аккуратный короткий ежик. Лишь поступив в театральный, парень наконец отрастил волосы. Вокруг все щеголяли с длинными челками а-ля гонконгские бунтари из боевиков про триады — считалось, что легкая небрежность придает образу изысканный творческий флёр. Стоит лишь потряхнуть головой, и ты уже богемный поэт с налетом светской грусти.

Но Бэйшэн пошел своим путем. Он выбрал классическую мужскую стрижку — укладывал свои густые черные волосы волосок к волоску. Стоило ему надеть строгий костюм и набросить на плечи длинное пальто, как он превращался в истинного британского джентльмена.

И даже при этом старший брат продолжал ворчать, требуя избегать вычурности в одежде.

— Творческая натура выражается талантом, а не паклями на голове и немойтой бородой, — рассуждал Ван Сюань. — Великие мастера прошлого казались взъерошенными и заросшими только потому, что уходили в работу с головой и забывали обо всем на свете, а вовсе не ради дешевого фарса. А когда наш современник нарочно отпускает гриву, не чешется и ходит с засаленными волосами — это не искусство. Это банальная неряшливость. Если так хочется выделяться из толпы, лучше побрейся налысо: и свежо, и гигиенично.

Ван Сюань органически не переносил немых персонажей, которые неделями обходили ванную стороной.

— От этого амбре за версту разит, какая уж тут эстетика? Искусство должно дарить радость и утонченность, а не заставлять затыкать нос.

Бэйшэн рос настоящим красавцем, но Гоудань с малых лет держал его в ежовых рукавицах. Он нанял для него толкового мастера боевых искусств, который несколько лет гонял мальчишку до седьмого пота. Благодаря этой закалке, несмотря на утонченные черты лица, в Бэйшэне не было ни капли изнеженности. Его beauty дышала мужеством и благородством, а осанка всегда оставалась безупречной — хоть сейчас на обложку журнала.

Слава одаренного молодого актера росла с каждым днем. Глядя, как уверенно младший брат продвигается по карьерной лестнице, Гоудань окончательно понял: Бэйшэн не вернется в семейный бизнес. Пришлось оставить надежду сделать из него своего помощника.

Вся надежда теперь оставалась на старшего сына — Чэнху. Парень уже учился в выпускном классе школы: широкоплечий, статный, не обделенный умом и умеющий ладить с людьми. Гоудань так и предвкушал, как передаст парню все тонкости ведения жестких деловых войн.

Но в один прекрасный день Чэнху пришел к отцу и заявил:

— Папа, я решил поступать в военное училище. Я рожден для того, чтобы стать генералом.

—... Что?! — Гоудань опешил и нахмурился. — Ну-ка повтори.

— Я хочу быть военным. После экзаменов подам документы в военную академию. В конце концов, зачем я столько лет тренировался? Не пропадать же навыкам даром.

— А со мной-то как быть?! — вскипел Гоудань, сорвавшись на крик.

Чэнху растерянно моргнул.

— В каком смысле? Ты мой папа, а еще — председатель правления огромной компании.

— Председатель? Да я уже не молод! А вы... вы все как один умываете руки! Сколько мне еще пахать на этой галере? Другие отцы в мои годы уже готовятся отойти от дел и спокойно удят рыбу на озере, а я даже преемника себе найти не могу!

От такого напора Чэнху даже растерялся и пролепетал, заикаясь:

— Но папа... я правда хочу служить. Да и какой ты старый? Ни капли не похож! Если спросить прохожих на улице, тебе больше тридцати пяти, ну, максимум сорока лет никто не даст. Ты еще ого-го сколько сможешь работать! Ты у нас такой молодой, сильный, умный... зачем тебе вообще помощники?

Под тяжелым, полным ярости взглядом отца голос Чэнху становился все тише и тише, пока окончательно не сошел на нет. Было очевидно, что Гоудань вне себя от гнева.

Почесав затылок, Чэнху уныло вздохнул. Отцу действительно приходилось несладко: сперва дядя сбежал на съемочную площадку, теперь вот он сам нацелился на армейские казармы.

Стало немного совестно.

— Может... ты поговоришь с Чжэньчжэнь или Чэншанем? Вдруг они не против взять дела на себя?

— Наша корпорация «Триумф» что, логово монстров, раз вы шарахаетесь от нее как от чумы? — сокрушенно вздохнул Гоудань. — Отец не вечен, силы уже не те... Неужели трудно войти в мое положение? Какая еще армия? Даже если тебе не нравится моя компания, всегда можно пойти к своему второму отцу, помочь ему с делами.

— Но мне нужна именно военная академия, — упрямо стоял на своем Чэнху.

Он не раз бывал в воинской части у дяди Чэн Шу, тренировался вместе с новобранцами. Там было невероятно тяжело, грязно и сурово, но именно эта суровая романтика влекла его сильнее всего на свете.

Понимая, что упрямого сына не переубедить, а давить авторитетом не хотелось, Гоудань, глубоко уязвленный в лучших чувствах, отправился изливать душу Ван Сюаню.

— И что только в головах у нынешней молодежи? — жаловался он, меряя шагами комнату. — Только и думают, как бы упорхнуть из-под родительского крыла. Живут в тепле и сытости, забот не знают, вот с жиру и бесятся! Вспомни наше детство — за любую возможность уцепиться готовы были, а эти... Лишь бы из дома сбежать подальше!

Ван Сюань ласково улыбнулся и мягко приобнял мужа за плечи:

— Да ладно тебе, не кипятись. Разве плохо, что у детей есть выбор? Пусть себе летят, набивают шишки. Вот покрутятся в суровом мире, поймут, как хорошо и спокойно было дома под нашим боком.

— Эх, может, мы их как-то не так воспитывали? — уныло протянул Гоудань. — Ни один ведь не хочет заниматься бизнесом. Представь: лет через десять все наши сверстники будут внуков нянчить да чай гонять на веранде, а мы вдвоем так и останемся заперты в офисе! Бэйшэн бредит своими съемками, обратно его калачом не заманишь. Чэнху подросток — и на тебе, подавай ему казармы. А младший, Чэншань? Тот хоть и сидит дома, но из комнаты не вылезает: уткнулся в свой компьютер, строчит какие-то программы круглые сутки... Ну и на кого мне все это оставить?

Ван Сюань протянул ему пиалу со свежесваренным ароматным чаем:

— Не гони лошадей. По правде говоря, даже если бы они выбрали экономику, толку от неопытных юнцов прямо сейчас было бы немного. К тому же у нас есть Чжэньчжэнь.

— Чжэньчжэнь... — Гоудань задумчиво пригубил чай.

Он никогда не разделял детей по половому признаку и не обделял дочь заботой, но в семье росло столько парней — включая Бэйшэна, целых трое будущих мужчин, — что вешать тяжелое бремя управления корпорацией на хрупкие плечи дочери ему просто не приходило в

голову.

Тем временем Чэнху без стука ворвался в комнату младшего брата и застал того за виртуальными баталиями. Недолго думая, он бесцеремонно стянул с головы Чэншаня наушники.

— Ты в своем уме? Нашел время в игрушки резаться!

— Эй, ты чего творишь? Верни быстро! У нас там рейд, важный замес... Ладно, ладно, сдаюсь.

Поняв, что отвязаться не выйдет, Чэншань со вздохом вышел из сети, мысленно приготовившись к ушату грязи от товарищей по команде.

— Ну и что стряслось? Отец не разрешает поступать в военное? — лениво поинтересовался Чэншань, закинув худые длинные ноги на подлокотник дивана. Осанка у него, как обычно, оставляла желать лучшего.

Чэнху раздраженно сбросил его ноги на пол и плюхнулся рядом. Младший лишь картинно закатил глаза, решив не связываться со вспыльчивым братом, и просто сполз пониже, приняв полулежачее положение.

Чэнху только головой покачал:

— Вечно ты валяешься как сонная муха. Неужели сложно нормально сесть? Столько лет тренировок у мастера кунг-фу, а лени в тебе с каждым годом всё больше.

— Жизнь дана для того, чтобы наслаждаться комфортом, — философски отозвался Чэншань. — Это ты у нас вечно ищешь приключений на свою голову: чем сложнее задача, тем охотнее ты в нее впрягаешься. А отец почему против армии? Он как-то обмолвился, что ты слишком безрассудный. Боится, что ты в первом же бою подставишься под пули.

— Много ты понимаешь, — фыркнул Чэнху. — Отец просто расстроился, что всё идет не по его сценарию. Да и к тебе вопросы есть. До экзаменов всего три месяца осталось, а ты сутками из-за компьютера не вылезает.

— Я совмещаю приятное с полезным. Учебе нужен отдых.

— Поступай на финансы.

— И не подумаю, — отрезал Чэншань.

— Это еще почему?

— Я же сто раз говорил: моя страсть — программирование. И специальность я выберу соответствующую. Бизнес — это вообще не мое, у меня к нему ни таланта, ни желания. Отец это прекрасно понимает, потому и не возражал, когда я заикнулся про компьютеры.

— Эх... Знал бы ты, как он сокрушался сегодня, — вздохнул Чэнху. — Говорил, что постарел, завидовал мужикам, которые могут спокойно уйти на покой, переложив дела на сыновей. Жаловался, что у него куча родственников-мужчин, а работать некому. Так жалко его стало, хоть плачь.

Чэншань не выдержал и покатился со смеху:

— Ха-ха-ха! Отец постарел? Ну ты и наивный! Ему едва за пятьдесят перевалило, нам всего по восемнадцать. Да ты на спаррингах до сих пор от него огребаешь! Он в идеальной форме, а уж его азарту и амбициям любой молодой позавидует. Это была чистой воды актерская игра, а ты уши и развесил.

— Не скажи. Доля искренней горечи в его словах точно была. Вспомни, когда отец вообще перед кем-то раскрывал душу или признавал слабость? Он всегда был жестким, волевым, его слово — закон. А сегодня он даже не стал повышать голос, выслушал меня, не пытался давить. Честно говоря, я шел к нему с мыслью, что получу хороших люлей, а обошлось даже без криков.

Чэншань притих, признавая правоту брата:

— Да, в последнее время он и вправду стал мягче.

Парень задумчиво почесал подбородок и предложил:

— Раз уж ни ты, ни я, ни наш дядя Бэйшэн не хотим соваться в торговлю... может, стоит поговорить с Чжэньчжэнь?

— Вот так растишь сыновей, ночами недосыпаешь, а толку никакого! — картинно вздыхал Гоудань, глядя в потолок. — В итоге единственной опорой и утешением на старости лет оказалась моя любимая дочка. Ох, беда с вами...

Стоило Чжэньчжэнь поступить в университет, как отец сразу отправил ее на стажировку в корпорацию. Первые три месяца она пахала на самой низовой должности обычным клерком. Затем Гоудань перевел ее в коммерческий отдел. Так, шаг за шагом, девушка обошла все ключевые подразделения компании, после чего отец прямо спросил ее:

— Ну как? Где ты чувствуешь себя на своем месте?

Методы воспитания у Гоуданя всегда отличались суровостью и прямолинейностью. К счастью, дети давно привыкли к его спартанскому подходу и выросли на редкость стойкими. Любые другие подростки на их месте уже давно взбунтовались бы против такого гнета и пустились во все тяжкие.

Деловая хватка у Чжэньчжэнь оказалась ничуть не хуже, чем у старшего брата. Женская проницательность и внимание к деталям в ней удивительным образом сочетались со стратегическим мышлением. К двадцати годам она уже занимала руководящую должность среднего звена в одном из ключевых филиалов.

— Ли Чжэнь! В пятницу наша комната устраивает совместную встречу с ребятами из общежития парня Су Ли. Ты с нами?

Услышав свое имя, Чжэньчжэнь мысленно прикинула расписание на неделю. В пятницу вечером крупных дел не намечалось, так что вполне можно было составить компанию девчонкам.

Не успела она ответить, как Су Ли затараторила:

— Мы ведь одна команда, живем в одной комнате, так что давай без отговорок! А то вечно ты держишься особняком. Ни в одном университетском мероприятии не участвуешь, вечно где-то пропадаешь. Чем ты вообще занимаешься целыми днями?

Формально за Чжэньчжэнь было закреплено место в общежитии, но появлялась она там нечасто. Однокурсницы знали, что ее семья живет прямо здесь, в столице, и списывали ее постоянные отлучки на банальную привязанность к родительскому дому. В глазах большинства Ли Чжэнь казалась недостижимой и слегка высокомерной красавицей — сказывалась необычная внешность наполовину иностранки и дорогая, качественная одежда. Стоит признать, ухажеров у нее хватало с первого курса, причем парни вились весьма завидные. Однако Чжэньчжэнь упорно игнорировала любые знаки внимания, из-за чего в университете за ней закрепилась слава нелюдистой гордячки с завышенными требованиями.

— Ну же, Чжэньчжэнь, соглашайся! — поддержала разговор другая соседка. — В той компании будут двое потрясающих парней, и, что самое главное, оба свободны! Вдруг кто-нибудь приглянется?

— Хорошо, — улыбнулась Чжэньчжэнь. — В эту пятницу я совершенно свободна.

Красивые девушки во все времена ценились на вес золота. Впрочем, умные, привлекательные и состоятельные парни тоже не валялись на дороге. Стоило таким завидным кандидатам пересечься, как вокруг них мгновенно образовывалась толпа вздыхателей.

Су Ли тут же застрочила сообщение своему парню: «Ли Чжэнь согласилась! С твоей стороны должны быть лучшие ребята, не подведи. У нас в комнате все девчонки свободны, так что даже

если Ли Чжэнь никого не выберет, другие будут рады познакомиться. Сделай всё в лучшем виде!»

Получив лаконичное «Слушаюсь!», она со спокойной душой убрала телефон.

Чжэньчжэнь тем временем отправила короткое сообщение домой, предупредив, что в пятницу останется в общежитии и пойдет гулять с подругами. Заодно она переслала своему личному помощнику адрес, время встречи и примерный список участников вечеринки, после чего спрятала мобильный в сумочку.

Поскольку Чжэньчжэнь редко ночевала в общежитии, близкой дружбы с соседками не сложилось, хотя общались они вполне тепло и вежливо. Пока она прибиралась в своем шкафу, девочки за ее спиной обменивались красноречивыми взглядами, разглядывая изящные и явно недешевые вещицы на ее полках.

— Чжэньчжэнь, ты ведь почти каждый день мотаешься домой. Столько времени на дорогу уходит, неужели не утомляет?

— Да нет, привыкла уже, — мягко ответила она. — К тому же дома дедушка скучает. Братья постоянно в разъездах или заняты, пожилым людям одиноко в большом доме. Стараюсь почаще бывать рядом, ужинать вместе, разговаривать.

— Ого, у тебя есть братья? А мы-то думали, ты единственный ребенок в семье.

— Нет, я средняя, второй ребенок. На самом деле вставать пораньше для меня не проблема.

Чжэньчжэнь не стала уточнять, что прямо у ворот Пекинского университета у нее есть собственная квартира, которую заботливый отец купил специально для детей и куда регулярно приходила горничная для уборки. Братья и сестра могли в любой момент остаться там, уехать за город к родителям или пожить в студенческой атмосфере.

— Как здорово... А мы все из провинции приехали, родных видим только на каникулах, — вздохнула одна из девушек.

Разговор плавно перетек на воспоминания о доме: девчонки наперебой рассказывали о своих семьях, заботливых звонках родителей и домашних разносолах.

— Но если серьезно, Ли Чжэнь, какой парень в твоём вкусе? Наш факультетский красавчик из кожи вон лез, а ты на него даже не взглянула! — Девичья беседа, как водится, виляла из стороны в сторону без всякой логики.

— Да нет у меня никакой предвзятости, — рассмеялась Чжэньчжэнь. — Я обычная девушка, с чего бы мне нос задирать и выбирать? Просто сейчас все мысли заняты учебой, не до романов

мне.

Разумеется, ее словам никто не поверил. Ли Чжэнь была обеспечена, а ее яркая, притягательная красота в сочетании с безупречной фигурой и сильным характером не оставляла сомнений: эта девушка знает себе цену.

— Ты просто слишком скромничаешь и вечно где-то пропадаешь, игнорируя студенческую жизнь. Если бы ты участвовала в конкурсах, звание первой красавицы Пекинского университета точно не досталось бы этой Лю Шуминь. Ты же одним своим присутствием поднимаешь престиж нашей комнаты до небес!

— Ну и фантазерка же ты! — отмахнулась Чжэньчжэнь. — Не надо мне льстить только потому, что мы живем в одной комнате. Лю Шуминь действительно прекрасна, и свой титул носит заслуженно.

В этот момент ее телефон завибрировал. На экране высветилось имя абонента: «Саньшацзы».

— Сестрица, ты сейчас не занята? Спасай, дело не терпит! — раздался в трубке жалобный голос Чэншаня.

— Выкладывай, — вздохнула она. — Какую глупость ты совершил на этот раз?

Чэншань смущенно хихикнул, почесал макушку и торопливо изложил суть своей очередной беды. Чжэньчжэнь выслушала его бредни и, не говоря ни слова, нажала на кнопку отбоя. Однако мобильный тут же зазвонил вновь с прежним упорством.

— Чжэньчжэнь, ну не бросай трубку! Выслушай до конца!

Старший брат Чэнху уехал в военную академию, дома бывал набегам, да и со связью у курсантов частенько возникали перебои — особенно во время учений. Чжэньчжэнь и Чэншань учились в столице, поэтому младшему за неимением других вариантов приходилось со всеми бедами бежать к сестре.

Раньше они всегда держались неразлучной троицей, а теперь от их союза остался лишь дуэт. Чжэньчжэнь и Чэншань постоянно подначивали друг друга, но за шутливыми пикировками скрывалась глубокая привязанность. Как любил поговаривать Чэншань: сыновей в их доме уродилось с избытком, так что мужская половина семейства особой ценности для родителей не представляла. К единственной дочери отцы относились куда мягче и снисходительнее. Именно поэтому любые просьбы, переданные через Чжэньчжэнь, решались намного быстрее и без лишних нотаций.

К тому же, работая в корпорации, Чжэньчжэнь помимо карманных денег получала полноценную зарплату. Она была безоговорочно самой богатой среди младшего поколения, так

что идти к ней с финансовыми проблемами было логично и выгодно.

Что же касается дяди Бэйшэна, то этот вечно занятой актер пропадал на съемочных площадках по всей стране, и допроситься у него помощи было делом совершенно безнадежным.

<http://bllate.org/book/19654/1996911>